

Н.Е. ТИХОНОВА

Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе*

Начиная наши исследования по динамике групповых интересов в гражданском обществе, мы пытались разобраться, что же оно собой представляет после распада прежней социальной структуры. На какие группы, различающиеся не по формальным признакам, а по реальной позиции в трансформирующемся обществе, оно распадается? Наконец, и это, видимо, главное, что объединяет людей в эти группы и каковы основные критерии стратификации в сегодняшнем российском обществе? Получение ответа на эти вопросы было одной из задач исследования, которое проводилось в течение 1992-1997 годов учеными Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИС и НИП)¹.

В ходе исследования предпринята попытка определить сравнительную значимость для реальной стратификации таких факторов, как социально-профессиональная принадлежность, возраст, пол, уровень дохода, образование, место жительства, вовлеченность в занятия бизнесом, связь с оборонными или конверсируемыми предприятиями, работа в государственном и негосударственном секторах, наличие побочных заработков, влияние проводимых реформ на уровень жизни респондента, его оценка своих ближайших перспектив, самоощущение себя советским человеком, россиянином или представителем определенной национальности, исповедуемые ценности, избираемая модель жизни. В этой связи необходимо отметить, что

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

¹ Исследование включало в себя семь этапов (декабрь 1992 года, июль 1993 года, июнь 1994 года, октябрь 1995 года, июль и декабрь 1996 года и март 1997 года, если не оговорено иное, то приводимые ниже цифры относятся к декабрю 1996 года) и охватывало население десяти крупных городов, включая Москву. Владивосток, Екатеринбург, Владимир, Воронеж и ряд других, представляющих все основные типы российских регионов. Выборка в каждом случае составляла свыше 1000 человек и достаточно полно отражала все социальные группы населения. Отбор респондентов осуществлялся методом квотной выборки, где главными критериями были репрезентативность социально-демографического состава и равноправное представительство всех типов регионов России. При определении системы ценностных ориентаций мы опирались на формулировки парных ценностей, предложенные и использованные Н. Лапиным во всероссийском исследовании ценностных ориентаций россиян в 1990 году и в последующих его исследованиях. В то же время предложенная Лапиным методика была нами несколько видоизменена. В ходе опросов нами было обнаружено, что из предложенных им 44 ценностных суждений многие никак не влияют на реальное поведение и оценки респондентов по другим вопросам, а следовательно, являются ценностями во многом декларативными, не интериоризированными. Это позволило нам выделить 16 базовых ценностей, которые являются своеобразным каркасом ценностных систем респондентов в целом.

Тихонова Наталья Евгеньевна - кандидат философских наук, заместитель Генерального директора Российского независимого института социальных и национальных проблем.

проблемам социальной стратификации постсоветского общества в последние годы был посвящен целый ряд интересных работ. Однако в отличие от них исследование РНИС и НП было посвящено не столько анализу самой социальной структуры, сколько факторам, определяющим социальную мобильность и в конечном счете месту в новой социальной структуре российского общества *отдельно взятых индивидов*.

Концепция исследования исходила из того, что в условиях общества транзитивного типа при реальной стратификации для основной массы населения должна относительно уменьшаться значимость таких критериев, как унаследованные от дореформенного общества имущественное положение, профессиональный статус и образование. В основе такого подхода лежало предположение, представлявшееся весьма вероятным и действительно получившее подтверждение в ходе самого исследования, что при сломе старой социальной структуры и формировании новой одни группы исчезают, другие возникают, третьи дробятся, у четвертых изменяется общественный статус и т.п. Изменения эти столь глубоки, что затрагивают даже характер и сложность труда в различных социальных группах. В силу неустоявшегося характера новой структуры профессиональные статусы не могут оказывать решающего влияния на стратификацию. Имущественное же положение разных групп населения в ходе реформ меняется столь быстро (и зачастую в сторону столь резкого ухудшения), что оно также пока не может выступать основой социальной дифференциации.

В то же время (и это было важнейшим звеном концепции) в новой ситуации должна возрастать значимость факторов личностного характера - как объективных, так и субъективных. При этом в качестве объективных рассматривались факторы, влияющие на способность человека сохранить или повысить свой социальный статус и жизненные шансы. Среди таковых факторов - возраст и уровень образования (влияющие на готовность и способность человека к изменению характера деятельности), уровень здоровья и опять-таки возраст (влияющие на готовность к интенсивной работе) и место жительства (в различных городах России, не говоря уж о сельской местности, существовавшая и раньше разница жизненных шансов в новых условиях оказалась качественно различна). Среди субъективных же факторов, влияющих на реальную динамику социальных позиций, - индивидуальная мобильность психики, которая позволяет быстро преодолеть период шока и последующей тяжелой фрустрации², а также установки на определенный образ жизни и ценностные ориентации². Таким образом, в процессе исследования анализировались факторы, влияющие на реальное разделение населения на группы, имеющие ярко выраженные специфические групповые характеристики и объективно различающиеся своим менталитетом.

Что же показало исследование? Как известно, в последние годы в российском обществе активно шел процесс образования новых социально-профессиональных групп (в том числе новой элиты) и реструктуризации существующих. Это диктует необходимость при обращении к процессам динамики социальной структуры выделения двух специфических частей нашего общества и соответствующих проблем, касающихся:

- элитных групп, взаимоотношений между ними, а также взаимоотношений элитных и не элитных групп;
- социальных групп, включающих основную массу населения России.

Первой теме посвящена уже огромная научная литература. Поэтому ограничусь лишь несколькими краткими соображениями. Итак, первое: существовавшее ранее в советском обществе разделение на привилегированную элиту и рядовых граждан не только сохранилось, но и значительно углубилось. Углубление это было связано

² При разработке основных гипотез исследования и на первых этапах его проведения автор не был знаком с концепцией М. Кона о взаимосвязи стратификационной динамики и социально-психологических характеристик. Однако в процессе дальнейшего исследования, и прежде всего при интерпретации его итоговых результатов, эта концепция учитывалась, и некоторые из ее положений, как будет показано ниже, получили подтверждение в российских условиях.

прежде всего с изменением экономического базиса власти, с резким возрастанием в нем удельного веса собственности. Однако это мало повлияло на персональный состав правящих элит, вызвав лишь их дифференциацию на группы, чье положение определяется унаследованной от старого общества системой статусов, и группы, для которых решающим стал признак собственности. В перспективе серьезный конфликт между этими группами неизбежен, хотя на нынешнем этапе развития за счет их персональной "сращенности", формирования верхушки предпринимательского класса, прежде всего из представителей старых элитных групп или "околоэлитных" кругов, между ними устанавливается скорее взаимовыгодное сотрудничество, чем резкая конфронтация.

В то же время среди новых элит возможны достаточно серьезные противоречия, являющиеся отражением общих противоречий развития экономики рыночного типа. Противоречия существуют между представителями капитала и менеджмента как в ресурсодобывающих, так и в перерабатывающих отраслях, в традиционных и высокотехнологичных отраслях, среди экспортеров и импортеров, между представителями крупного и мелкого бизнеса и т.п. Одни из этих противоречий, в основе которых лежат групповые интересы, разрешаются относительно просто. Механизм разрешения других пока отсутствует, что может привести к их обострению. Однако, поскольку столкновения групповых интересов будут в немалой степени проходить через лоббирование их на уровне федеральных структур власти, у самих властных структур есть возможность отслеживать степень накала противоречий и их возможные последствия для развития социально-экономических процессов в стране.

Наконец, последнее, что хотелось бы отметить в связи с проблемой становления новых элит в контексте изменения социальной структуры, - разновременность формирования различных элитных групп общества. Наиболее быстро процесс оформления и осознания своих специфических групповых интересов идет среди представителей промышленной и финансовой элит, а также в среде административной элиты, в свою очередь подразделяющейся на центральную и региональную. Другие элитные группы (интеллектуальная элита в сфере науки, культуры, средств массовой коммуникации, общественных движений и т.п.) гораздо медленнее проходят этап обновления, реструктуризации и самоопределения.

Однако противоречия между старыми и новыми элитами или между группами новых элит - далеко не единственные, существующие между различными группами российского общества. Не менее важны и противоречия между элитными и не элитными группами. Важно, что для общественного мнения рядовых россиян очевидны как факт сохранения своего положения старой элитой, так и социальный состав новых элит.

Длительное время это не вызывало у граждан отрицания реформ как таковых при условии создания общества с большей индивидуальной свободой и широкими возможностями самореализации. Но в последние годы все более глубокое осознание рядовыми членами российского общества того факта, что новое, возникшее на их глазах неравенство начинает постепенно консервироваться, что потоки вертикальной мобильности начинают перекрываться и в настоящее время возможностей для вертикальной мобильности становится едва ли не меньше, чем в годы застоя, ведет к появлению чувства глубокой несправедливости происходящего, нетерпимости творящегося на их глазах. Это быстро размывает социальную базу реформ и создает тот протестный потенциал, которого не было еще два-три года назад. Одновременно иссякает и адаптационный потенциал, развеивается ощущение того, что люди в силах повлиять на происходящее хотя бы в рамках собственного микромира, нарастает отчуждение от окружающей действительности (см. таблицу 1).

Что же касается второго блока проблем формирования новой социальной структуры России, а именно, стратификации так называемого рядового населения, нужно отметить следующее.

1. Для разных групп и в разные периоды решающими оказывались различные критерии стратификации. Так, сельские жители или военнослужащие на протяжении

Таблица 1

Динамика чувств, испытываемых населением России (в %)*

Социальные чувства	Часто испытывали			Никогда не испытывали		
	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.
Несправедливость всего происходящего вокруг	55,7	58,3	73,6	8,1	6,6	3,5
Страх перед беспределом и разгулом преступности в стране	52,8	54,1	68,7	11,6	10,3	6,4
Чувство, что жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но интересно	46,9	48,7	18,4	26,7	29,4	23,5
Удовлетворение тем, что дела идут по моему плану	18,3	16,4	11,4	21,1	23,6	32,2
Желание, чтобы мир вокруг меня оставался таким же, каким я привык его видеть	23,6	21,9	30,6	50,2	53,3	28,3
Чувство, что осталось потерпеть еще немного и жизнь наладится	10,9	12,0	11,4	43,4	46,2	49,5

* В таблицу не включены данные по позиции "испытывали иногда".

всего исследования выступали в качестве достаточно четких групп с собственной позицией. Для молодежи до 20 лет решающим оказывался фактор возраста. Для людей из высшей доходной группы - фактор душевого дохода. Для остального населения на протяжении всего исследования наиболее значимым критерием социальной стратификации были социально-психологические факторы. Именно они оказывались решающими и для понимания людьми собственных интересов, и при определении их реального поведения и отношения к происходящим в России переменам и, как следствие, при выявлении реальной динамики их социально-экономического положения за годы реформ. К этим критериям добавлялись: в 1992 году - наличие постоянной вторичной занятости (дававшее большее чувство уверенности в востребованности человека в новой социально-экономической системе); в 1993 и 1994 годах - ожидания улучшения или ухудшения своего материального положения в ближайшее время, причем как реальная динамика душевого дохода, так и ожидания ее дальнейшего изменения были гораздо более значимы для стратификации общества на всем протяжении исследования, чем абсолютные величины этого дохода; с 1994 года по настоящее время - занятость на частных предприятиях, с одной стороны, или на государственных и приватизировавшихся предприятиях - с другой.

Таким образом, в ходе слома старой социальной структуры произошла, скорее, не люмпенизация населения, а сначала атомизация общества и затем его неявная группировка на основе факторов не столько социально-профессионального, сколько личностного характера. В числе основных стратифицирующих факторов социально-психологического характера были индивидуалистически-либеральная или, напротив, патерналистско-эгалитаристская установка, степень мобильности психики и адаптационный ресурс человека, а также ценностные ориентации, причем в основе двух доминирующих типов ценностных систем лежали ориентации либо уравнилельного характера, либо на общество равных возможностей (подробно см. [1-4]).

2. С учетом всей совокупности социально-психологических факторов, которые оказываются, по нашим данным, решающими в социально-экономической стратификации, российское общество разделено сегодня на три большие группы с принципиально разной ментальностью. Первая, объединяющая примерно треть россиян, может быть охарактеризована как *носители патерналистско-эгалитаристского типа ментальности*. Для них характерны ожидание решения своих проблем за счет государства или по крайней мере местных властей и руководства предприятий, большая значимость материальных факторов в системе ценностей, убеждение в необходимости создания в России общества равных доходов, болезненная реакция на социальную дифференциацию вообще и негативное отношение к "новым русским", в частности. Эта часть населения откровенно ждет "сильной руки", которая навела бы порядок вплоть до передела собственности.

Вторую группу, также представленную достаточно отчетливо, характеризует *индивидуалистически-либеральный тип ментальности*. При решении своих проблем эти люди ориентируются прежде всего на собственные силы, они убеждены, что можно самому управлять своей судьбой, спокойно относятся к социальной дифференциации и в целом положительно к "новым русским". Представители этого типа деятельны, менее подвержены всякого рода страхам, чем средний россиянин, и в большей степени ориентированы на карьеру и жизненный успех. Численность этой группы составляет примерно 20% населения.

Наконец, остальная часть населения (примерно половина) представляет собой *промежуточный тип*. Основная тенденция динамики развития этого типа за годы наблюдений - его постепенное сокращение, "переход" из него в первую группу, характеризующуюся патерналистско-эгалитаристской ментальностью.

3. Динамика материального положения россиян по итогам пяти лет реформ достаточно жестко коррелирует с их распределением по типам ментальности, т.е. представившиеся за последние пять лет жизненные шансы каждый использовал по-разному в соответствии со своими личностными особенностями. Причем новый имущественный статус людей для крайних групп в ряде случаев оказался диаметрально противоположным тому, который был у них до реформ (смена аутсайдеров и лидеров). Разумеется, я отмечаю это явление лишь как тенденцию, не анализируя при этом характер действия таких факторов, как место работы, жительства, здоровье, возраст и т.п., которые также оказывали заметное воздействие на разницу жизненных шансов. Тем не менее данная тенденция оказывает, на мой взгляд, важное влияние на формирование новой социальной структуры.

Приведем для иллюстрации этого вывода лишь несколько цифр. По показателям мобильности психики, готовности ее к изменениям разрыв между улучшившими и ухудшившими свое материальное положение составляет полтора-два раза. Причем даже для того, чтобы сохранить свой прежний уровень материального благосостояния, также требовалась весьма значительная мобильность психики (см. таблицу 2). Аналогичная картина наблюдается и по показателям индивидуалистической или конформистской ориентированности мышления (см. таблицу 3).

Таким образом, мобильность и инициативность психологического склада в условиях быстро трансформирующегося общества значительно облегчали адаптацию к происходящим изменениям и оказывали очень заметное влияние на вертикальную социальную мобильность. В то же время малоподвижность психики и конформизм способствовали нисходящей социальной мобильности. В этой части результаты проведенного исследования перекликаются с результатами исследования М. Кона, которые показали, что конформизм как психологическая характеристика присущ более низким социально-стратификационным позициям даже в условиях относительно стабильных обществ [5].

4. По мере углубления реформ и накопления устойчивых различий в доходах, образе жизни и других объективных характеристиках между различными социально-профессиональными группами стратификация на основе социально-профессиональной

Таблица 2

Динамика уровня материального благополучия в зависимости от степени мобильности психики (в % от числа ответивших, без тех, кто не выиграл или затруднился с ответом)

Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но интересно	Выиграли от реформ		Проиграли от реформ	
	1995 г.	1997 г.	1995 г.	1997 г.
Согласны	62,1	52,8	40,7	12,2
Не согласны	20,8	12,3	36,1	42,4
Затруднившиеся с ответом	17,1	32,9	23,2	43,4

Таблица 3

Динамика уровня жизни в зависимости от степени индивидуалистичности мышления (в % от числа ответивших, без затруднившихся с ответом)

Ценность	Уровень жизни возрос		Уровень жизни снизился		Уровень жизни не изменился	
	1995 г.	1997 г.	1995 г.	1997 г.	1995 г.	1997 г.
Быть яркой индивидуальностью	69,6	60,4	47,8	29,6	52,5	48,2
Быть как все	28,8	32,4	48,6	65,1	44,7	44,9

принадлежности вновь выйдет на передний план. Как показало исследование, уже начала выкристаллизовываться новая социальная структура, которая, впрочем, возможно, также является переходной. В основе этой структуры выделение, с одной стороны, элитных групп, о которых было сказано выше, а с другой - разделение остальной части населения на работающих в государственном секторе (или бывшем государственном секторе) и занятых, в том числе и самозанятых, в негосударственном секторе экономики, где качественно иная стоимость рабочей силы. Более детально проанализировать складывающуюся социальную структуру мешал недостаточный объем имеющихся данных, что связано с относительно небольшой выборкой проводившихся исследований. Однако те данные, которые были получены в ходе исследования, подтверждают выводы, сделанные в серии статей Т. Заславской [6-9].

Эти данные позволяют утверждать, что наиболее значимый водораздел в формирующейся социальной структуре нового российского общества в отношении наиболее массовых групп проходит сегодня не столько по признакам социально-профессионального, квалификационного или отраслевого характера, сколько по степени включенности в новые экономические отношения и структуры. Этот вывод применим, хотя и в ограниченной степени, даже в отношении работников отдельных силовых структур. Как и реальная дифференциация доходов, сдвиги в социальной структуре обусловлены в большинстве случаев тем, что Россия переживает период, когда часть населения продолжает жить как бы в "дореформенном" времени. При этом одновременно возникают массовые социальные группы, адаптированные к реформам, происходит становление качественно нового массового типа социального субъекта, соответствующего по своим профессиональным и личностным качествам требованиям, предъявляемым рыночной экономикой.

В разделении населения на работников государственных и частных предприятий значительную роль сыграла ментальность населения. На вновь возникающие частные предприятия из государственного сектора уходили в первую очередь те, для кого большее значение имели материальные факторы, кто ориентировался прежде всего на заработок, а не на содержание работы (см. таблицу 4). Хотя в целом для типичной

Таблица 4

Специфика трудовых ценностей работников предприятий государственного и частного секторов (в % от ответивших, без затруднившихся ответить, данные 1995 года)

Предпочтения	Государственный сектор	Частный сектор
Интересная работа	65,7	49,4
Заработок	32,4	49,4

российской ментальности за весь период нашего исследования более характерно предпочтение интересной работы заработку. В то же время предпочтение материального благополучия свободе практически не влияло на процесс разделения населения на работающих в государственном (или бывшем государственном) секторе и занятых, в том числе и самозанятых, в негосударственном секторе экономики, где качественно иная стоимость рабочей силы.

Кроме специфики трудовых ориентаций респонденты из двух основных секторов экономики различались также степенью распространенности конформистских или неконформистских ориентаций. Причем и здесь более распространенная среди всех россиян в целом ориентация меняла свой знак на противоположный при обращении к работникам только частного сектора. Так, в декабре 1996 года 64,7% россиян считали, что лучше жить как все, чем выделяться среди других, а 31,9% придерживались противоположного взгляда. В то же время среди работников частных предприятий только 41,6% считали, что надо жить как все, а 54,0% считали наоборот.

В имущественном плане этот процесс разделения на работников государственных и частных предприятий в соответствии с ментальностью людей означал углубление социальной дифференциации между работниками двух основных секторов экономики с относительным ухудшением социально-экономического положения носителей типичной российской ментальности. Так, улучшение своего материального положения в декабре 1996 года отметили 21,6% работающих в государственном секторе, а ухудшение - 57,3%. Среди работающих на индивидуальных частных предприятиях ситуация прямо обратная: улучшилось материальное положение у 47,2%, а ухудшилось - у 32,6%. При этом на предприятиях, которые формально являются негосударственными, но до приватизации были таковыми, динамика материального положения работников близка к положению на государственных предприятиях.

В плане же социального статуса это означало относительно более низкий статус (в самооценке) у тех, кто работал на государственных предприятиях по сравнению с теми, кто работал на частных предприятиях. Так, среди первых отнесли себя к высшему классу 1,1%, к среднему - 47,4% и к низшему - 22,9%. Среди же работников частного сектора мнения распределились следующим образом: высший класс - 1,9%, средний класс - 62,7% и низший класс - 16,8%.

Еще более наглядной оказалась тенденция отеснения в социальные аутсайдеры носителей традиционалистской российской ментальности при углубленном анализе таких неблагополучных групп, как безработные, работники, находящиеся в неоплачиваемых вынужденных отпусках, и т.п. Как показывают полученные данные (апрель-май 1966 года, углубленные интервью с 240 респондентами из Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежа), среди этих людей значительно выше, чем в среднем по России, процент тех, для кого спокойная совесть важнее жизненного успеха (97,1% против 2,9%), а интересная работа важнее заработка (64,6% против 35,4%). Такой результат тем удивительнее, что это были неблагополучные группы, чье материальное положение было в ряде случаев просто вопиющим. Сохранение у этих

групп ранее типичных для основной массы россиян ценностных ориентаций³ демонстрирует особую устойчивость ценностных систем в данных группах населения, что, видимо, и мешает процессу их адаптации к новым условиям.

Таким образом, при стратификации в последние годы начинают достаточно активно работать такие факторы, как отношение (в том числе опосредованное наймом) к различным формам собственности, причем люди с наиболее типичной для России ментальностью оказываются в ходе этой стратификации в более неблагоприятном положении, чем носители западной индивидуалистической ментальности.

5. Обобщая процессы структуризации общества, связанные с социально-профессиональной принадлежностью, можно выделить ряд тенденций. В основной массе российского населения, относившегося ранее к достаточно гомогенной группе, сегодня наблюдается процесс активного брожения и вычленения новых социальных групп как переходного характера ("челноки", работники госпредприятий, в летний сезон занимающиеся сезонными приработками, являющимися основным источником дохода на весь год), так и элементов зарождающейся структуры нового российского общества (работники частных фирм, творческая и научная интеллигенция небюджетной сферы). Одни группы имеют ярко выраженную специфику групповых позиций и достаточно отчетливо осознаваемые групповые интересы (наемные работники коммерческих структур), другие находятся в стадии самоопределения (научная и творческая интеллигенция, также переживающая серьезное обновление и реструктуризацию), в третьих процесс брожения находится в той стадии, когда еще невозможно говорить о самостоятельной групповой позиции (инженерно-технические работники, чье положение и социальная роль претерпевают сейчас существенные изменения в зависимости от их конкретного места в системе разделения труда).

Наконец, есть и группы, которые в процессе дифференциации подвергаются настолько серьезным изменениям, что превращаются подчас в "свое иное". Например, такая массовая группа советского общества, как рабочие, сегодня начинает распадаться на ряд самостоятельных групп, позиции и психология которых могут быть не только различны, но и прямо противоположны: скажем, рабочие коммерческих строительных фирм и предприятий ВПК. Притом что и те и другие относятся к рабочим по социально-экономическому положению и к группе высококвалифицированного труда по уровню квалификации, различия между ними в уровне доходов и перспективах на будущее оказываются более значимыми стратифицирующими признаками, чем любые другие. То же касается и работников сельского хозяйства, одни из которых в статусе реальных фермеров вступили в кооперацию с другими, такими же самостоятельными субъектами хозяйствования, образовав, например, сбытовые кооперативы, а другие в процессе преобразования колхозов в новые ассоциации различного типа также формально оказались добровольно объединившимися в рамках различных форм кооперации самостоятельными хозяевами, хотя на практике в их положении ничего не изменилось.

Наиболее важным моментом, который необходимо отметить в связи с анализом групповых интересов и позиций массовых социальных групп, выступает наличие между ними острых противоречий, носящих подчас даже более напряженный характер, чем между элитными группами и остальным населением в целом. Более того, думается, по мере дальнейшего развития реформ осознание своих груп-

³ Последние год - полтора дают устойчивый сдвиг в размывании традиционных для россиян ценностей, которые столь долгое время сохраняли устойчивость в новом социуме, что казались инвариантными по отношению к нему. Однако устойчивость ценностных систем была связана, скорее, с их инерционностью и отношением населения к происходящим переменам как к временному явлению. Осознание долговременного характера последних привело к началу серьезных сдвигов в ценностных системах россиян, сдвигов, начало которых пришлось на лето 1996 года и которые только начинают разворачиваться.

повых интересов массами населения пойдет более активно, а их конфликтное противостояние углубится.

Подводя итоги, можно сказать, что единого признака или ограниченной группы признаков, по которым можно было бы провести классификацию социальных групп российского общества, сегодня не существует. Переходный, более того, мозаичный характер его современной социальной структуры предопределяет многомерность социальной структуризации населения в зависимости от того, какие слои населения становятся объектами рассмотрения.

Результаты исследования позволяют говорить о существовании определенного механизма трансформации социальной структуры общества в процессе перехода от плановой экономики к экономике рыночного типа, выделить основные этапы такой трансформации и сравнительную значимость различных факторов стратификации на разных этапах этого перехода. Анализ полученных данных позволяет с уверенностью утверждать, что распространенные рассуждения о том, что никакой реальной трансформации в России не происходит, далеки от реальности. Изменилось главное, что составляет основу общества, - и сами люди, и социальная структура общества в целом.

Применительно к населению это проявилось прежде всего в серьезных сдвигах в ценностных ориентациях. Что же касается социальной структуры, то в формировании новой социальной структуры огромную роль сыграли факторы ментальности, и прежде всего мобильность психики и установки на активность или конформность. При этом традиционный для России конфликт "западников" и "славянофилов" (в нынешней терминологии - "демократов" и "патриотов") вошел в свою новую фазу. Через все общество проходит водораздел, не всегда даже осознаваемый людьми, но разделяющий их на носителей традиционалистской российской ментальности и предшественников западной индивидуалистической ментальности. Причем если пять лет назад грань между ними была размыта и их сосуществование не носило характера противостояния, то сейчас это две достаточно четко оформившиеся группы с заметно различающимися жизненными шансами и местом в социальной структуре.

Оказалось также, что социальные последствия реформ гораздо ближе к изначально планировавшимся, чем представляется на первый взгляд. И если забыть о заведомо утопических обещаниях "повысить благосостояние всего народа" за каких-нибудь полгода после гайдаровской шоковой терапии, то, как показывают полученные данные, проведенные преобразования действительно предоставили людям большую экономическую и политическую свободу, способствовали развитию личной инициативы, стимулировали ускоренное развитие рынка рабочей силы и ее адекватную оценку по крайней мере для части населения. Причем преобразования эти были в интересах наиболее активной и образованной⁴ части населения.

Конечно, происходило это в странной, подчас извращенной форме. Серьезный ущерб был нанесен тем социальным группам, деятельность которых направлена на реализацию "общественной", а не "частной" потребности и в этом плане не имеет другого потребителя, кроме государства, призванного выражать интересы общества. Это прежде всего работники науки и культуры.

И все же надо признать, что в России даже в условиях экономического кризиса и экономической депрессии ускоренными темпами шло формирование вполне рыночной в своей основе социальной структуры, причем не только слоя "новых русских", но и

⁴ В этой статье я специально не останавливаюсь на роли образования в процессах социальной стратификации. Однако данные исследования показывают, что в целом среди образованной части населения активная индивидуалистическая ментальность распространена гораздо шире, чем в среднем по России, и эта часть населения, опять-таки в среднем, оказалась в относительно лучшем положении.

нового достаточно массового среднего класса, насчитывающего несколько десятков миллионов человек (около 15% населения в целом, что показывают не только наши исследования, но и фундаментальное исследование социальной структуры Заславской). В то же время перспективы процесса модернизации общественной жизни России в плане окончательного отрыва от традиционалистского пути развития (в том числе и модернизации ее социальной структуры), тесно связанного с модернизацией социально-психологических характеристик населения, выглядят весьма настораживающе. Основным адаптационным ресурсом населения уже исчерпан. С точки зрения тенденций дальнейшего развития социальной структуры это означает, на мой взгляд, закрепление на определенный период сложившейся макроструктуры, соответствующей многоукладности российской экономики, с возможной дальнейшей дифференциацией основных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тихонова Н.Е.* Динамика социальной структуры и групповых интересов в российском обществе // Многообразие интересов и институты власти. М., 1993.
2. *Тихонова Н.Е.* Динамика социальной структуры и социальная база экономических реформ в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 2. М., 1994.
3. *Тихонова Н.Е.* Ценности россиян и перспективы политического процесса в России // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3. М., 1995.
4. *Тихонова Н.Е.* Трансформационные процессы в сознании россиян: аксиологический аспект // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании. М., 1996.
5. *Kohn M.* Social structure and self direction (in collabor.). Oxford, 1990.
6. *Заславская Т.И.* Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. №6.
7. *Заславская Т.И.* Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. №1.
8. *Заславская Т.И.* Доходы социальных групп и слоев: уровень и динамика // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. №2.
9. *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. №2.

© Н. Тихонова, 1997